ВЕСТНИК 2-го КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

№ 5. Четверг, 5-го августа, 1920 г. № 5.

„Легальность“ и „нелегальность“ в парламентской борьбе.

Проблема использования парламентов в революционной борьбе пролетариата не относится к числу тех, которые способны волновать Коммунистическую партию России, но которая, однако, для движения европейского и американского пролетариата представляет *одну из наиболее острых и болезненных проблем.*

В историческом прошлом социалистических партий тактика участия в буржуазных парламентах была неразрывно связана с тактикой *легализма*. «Органическая» работа в парламентах, узко цеховой характер борьбы профессиональных союзов, отказ от всякого революционного действия политической партии пролетариата — такова тактика оппортунизма, с которой решительно рвут теперь заграничные революционные рабочие. И так как сделки и компромиссы избирательной борьбы, продажность и предательство парламентских социалистических депутатов, их оторванность от рабочих масс, их враждебность революционным выступлениям пролетариата снискали «парламентаризму» исключительную ненависть сознательных передовиков в рабочей среде, превратили в их глазах «парламентаризм» в символ и в источник оппортунизма, то Коммунистическому Интернационалу несомненно придется сделать много усилий для того, чтобы раз'яснить и доказать, что возможно сочетать парламентскую работу с революционной работой, парламентскую «легальную» работу с внепарламентской «нелегальной» работой.

Даже лучшие представители иностранного коммунизма, как показали выступления на конгрессе Интернационала итальянского «левого» делегата, тов. Бордига, не отдают себе ясного отчета в чрезвычайной условности той «легальности», которой обладает правильная парламентская работа коммунистической фракции. В глазах Бордига и его единомышленников участие коммунистов в парламенте неминуемо означает признание его, как учреждения буржуазного государственного строя, означает решение коммунистов стать на правовую почву этого буржуазного уклада, т.-е. означает отказ от его революционного ниспровержения и *приноровление к буржуазной легальности*. Такая постановка вопроса, однако, представляет собой в действительности простое «petitio principii» — т.-е. здесь берется в качестве предпосылки именно то, что требуется доказать. Тов. Бордига хотел доказат, что даже твердый коммунист неминуемо выйдет из *парламента оппортунистом*, и он доказывает это тем, что по его предположению этот революционный коммунист *войдет в парламент в качестве легалиста*! В этом случае точка зрения «антипарламентариев», конечно, одерживает легкий, но вряд ли заслуженный триумф! Ведь основной тактики революционного использования парламента является именно положение, что вся деятельность коммунистической фракции в парламенте должна быть направлена на срыв парламентской легальности, на разрушение буржуазной «законности». Нелегальный революционный характер действий рабочих масс должен находить свое верное отражение в парламентских выступлениях коммунистических делегатов, которые в каждом случае стремятся разрывать рамки «легальных» норм. Революционная сила масс колеблет установленные ранее отношения и создает революционные нормы «легальности», разрушая правовые конструкции буржуазного режима. Если перевес оказывается еще на стороне буржуазии, — фракция может пасть жертвой борьбы и должна ею пасть в этом случае. Если партия считает полезным в критический момент обессилить парламент, коммунистическая фракция выходит из него и подает таким образом всем видимый и всем понятный сигнал для общей атаки.

В качестве прямого орудия восстания коммунистическая фракция в парламенте *может об'явить парламент распущенным*, или же *может об'явить буржуазных депутатов лишенными своих полномочий* и стать временным *политическим центром революции, выделив, если нужно, из своего состава революционное правительство*. Для успешного выполнения этих задач коммунистическая фракция в парламенте должна предварительно завоевать полное доверие, популярность и симпатии рабочих, крестьянских и полупролетарских масс, а это возможно только путем смелого развертывания революционной программы коммунистической партии в парламенте при всякой представляющейся возможности.

«Парламентаризм» *в таком виде*, имеет ли он что-либо общее с парламентским барахтанием и сюсюканьем оппортунистов? Представляет ли он собой признание парламентской и буржуазно-государственной легальности? Нет, он представляет собой *их революционное отрицание*. Такой парламентаризм был на практике осуществлен большевиками в России.

И когда в Западной Европе и Америке эта форма, революционная форма парламентаризма будет реализована на практике, — анархистские и синдикалистские аргументы против использования парламентов в революционной борьбе отпадут сами собой.

Г. СОКОЛЬНИКОВ.

„Legalité“ et „illegalité“ au parlement.

Lesparlements peuvent- ils être pour le prolétariat un moyen de lutte révolutionnaire? Cette question ne peut avoir actuellement un intérêt pratique pour le parti communiste russe, mais elle reste d'une importance extrême pour le mouvement ouvrier d'Europe et d'Amérique.

Dans le passé historique des partis socialistes l'action parlementaire a été intimement liée à la tactique du „légalisme“ Action au parlement poursuivant des „relisations politives“, caractère étroitement corporativ de la lutte des syndicant's, rejet de la part du parti politique du prolétariat de toute activité révolutionnaire - telle était la tactique opportuniste avec laquelle le prolétariat est en train de rompre nettement. Les dessous louches et les compromis que compertent les campagnes électorales, la corruption et la traitrise des députés socialistes, et leur manque de contact avec les masses ouvrières ainsi que leur nostilité à tout mouvementinsurrectionnel ont fait que le parlementariesme est particuliè ement detesté par l'élite du prolétariat qui voit en lui le symbole et la source de l'opportunisme. Dans ces conditions L'internationale Communiste devra faireun grand effort pour réusair à expliquer et à démontrer qu'il ect patfaitement possible de combiner une action parlementaire avec une action révolutionnaire, d'user de noyens de lute „Legaux“ et „illégaux“. Même les plus éminents des communistes étrangers ainsi que le montre au Congrès le discours de Bordiga, délégué de la gauche italienne, ne se rendent pas compte du caractére conventionnel de l'attitude „légale“ qui serait adoptée par la fraction communiste dans une lutte parlementaire menée conformément aux principes du communiste. Pour Bordiga et ses partisans l'entrée des communistes au parlement implique nécessarement l'a consécration du parlement comme institution de l'état bourgeois ce qui veut dire renonciation à sa destruction révolutionnaire et adaptation à la „legalité“ bourgeoise. Mais cette façon de poser la question, constitue tout simlement une pétition de principes. Le camarade Bordiga veut démontrer que le communiste le plus éprouvé sortira opportuniste du parlement puisquell le deviendra dès son entrée.

Si l'on admet cette affirmation, le point de vue des anti - parlementaires ne menquera pas d'obtenit un succès facile. Or, nous sovons que la tactique parlementaire comporte comme principe essentiel que toute l'activité de la fraction communiste au parlement doit être employée à comprémettre la „ligalité“ du système parlementaire, à ruiner la „légalité“ bourgeoise. Le caractère „illégal“ des mouvements révolutionnaires ouvriers doit se refléter fidèlement dans l'activité parlementaire des députés communistes qui tâcheront à chaque fois que l'occasion se présentara de briser le cadre étroit de la „légalité“. La puissance propulsive des masses révolutionnaires bouleverse les relations existantes et crée des formes legales nouvelles qui ébranlent jusqu'à son fondemet l'édifice du droit bourgeois. Si, à un moment décisit, le parti décide porter un coup au parlement la fraction communiste le quitte en son entier, donnan à tous d'une façon claire le signal d'une attaqe générale.

En qualité d'instrument direct d'insurrection, le fraction communiste du parlement peut dissoudre celui—ci ou bien encore déclarer déchus de pouvoirs les députes bourgeois et devenir provisoirement le centre politique de la révolution, constituant en cas de besoin un gauvernement révolutionnaire. Pour accomplir heureusement ce que le parti attend d'elle, la fraction communiste du parlement aura à gagner la complète confiance, l'estime et la sympathie des masses ouvrières paysannes et moyennes, ce qui n'est possible que par une défense audacieuse du programme communiste au sein du parlement en toute occasion.

Le „parlementarisme“ ainsi concu a-t-il quelque chose de commun avec la pauvre „méthode“ et la pratique abjecte des opportunistes? Est-il la consécration de la „légalité“ parlementaire et celle de l'état bourgeois? Au contraire, il en est la négation révolutionnaire. C'est ce parlementarisme là qui a été mis en pratique en Russie par les bolchéviè.

Et lorsque cette forme de parlementarisme aura étéréalisée en Europe Occidentale et en Amérique, les arguments anarchistes et syndicalistes contre l'utilisation du parlement dans la lutte des classes deviendront des arguments sand objet et sans valeur.

G. Sokolnikoff.

Заседание 3-го августа.

(Продолжение).

Утром.

Слово по докладу т. Радека получает тов. Фрайне (Америка). Он отмечает, что по вопросу об отношении к профсоюзам и фабрично-заводским комитетам в III Интернационале оказались лишь незначительные разногласия и то не принципиального характера, а чисто практические. Автор тезисов, по его мнению, не принял достаточно во внимание американских условий. Уже воззвание к профсоюзам, выпущенное от имени русских, германских и итальянских союзов, содержит некоторые положения, неприменимые к Америке. Там, между прочим, говорится, что коммунисты ни при каких условиях не должны оставить старые профсоюзы, но для Америки, где профсоюзы охватывают лишь рабочую аристократию, где 80 проц. всех рабочих совершенно неорганизованы, где один из самых сильных союзов, а именно металлистов, насчитывающий до 800 тысяч членов, не входит в федерацию, где в последней всецело господствует подлая профессиональная бюрократия— этот пункт совершенно неприемлем. Тов. Фрайне выражает сожаление, что при выработке воззвания не были приглашены представители I. W. W. (американских индустриальных рабочих мира).

В заключение он указывает, что коммунисты должны не только использовать профсоюзы как трибуну для пропаганды, а подготовить их к революции, к завоеванию власти.

Тов. Теннер (Англия) тоже говорит, что при выработке тезисов не были приняты во внимание особые условия в англо-саксонских странах, не была принята во внимание та роль, которую после войны играют шоп-стюарты (советы фабричных старост) в Англии. Победить бюрократизм руководителей в профсоюзах и революционизировать последние—очень трудная задача. Бывают условия, когда можно и должно оставить старые консервативные профсоюзы.

Вечером.

Продолжаются прения по докладу тов. Радека об отношении III Интернационала к профессиональному движению, фабрично-заводским комитетам.

За тезисы тов. Радека выступает тов. Вальтер (Германия). Прежде всего он отмечает, что докладчик ошибся, когда он сказал, что даже Роза Люксембург на учредительном с'езде Коммунистической Партии Германии была против участия коммунистов в старых профсоюзах. В действительности, — говорит тов. Вальтер, — она резко выступала против тех, которые ставили крест на массовые оппортунистические профсоюзы. В Англии и в Америке отношения действительно очень сложны, и вполне понятно то чувство отвращения к политиканству вождей профсоюзов, которому поддаются товарищи этих стран, как это уже проявилось со стороны многих товарищей и по вопросу о парламентаризме. Но надо принять во внимание об'ективную революционную ситуацию, которая дает возможность коммунистам изнутри взорвать эти крупные организации. Некоторым товарищам эти задачи кажутся слишком трудными, но надо сказать раз навсегда, что без масс, идущих за этими союзами, невозможно будет коммунистам выполнить свои революционные задачи и что для завоевания всей власти необходимо раньше всего завоевать профсоюзы. В доказательство возможности и необходимости для коммунистов борьбы внутри союзов он приводит свой полугодовой опыт в германском союзе металлистов. Тов. Вальтер также высказывается против саботажа в качестве систематического средства борьбы, но признает, что бывают исключительные моменты, когда саботаж является законным и целесообразным. Далее он говорит об отношении германских коммунистов к фабрично-заводским комитетам и оправдывает тактику левых независимцев противопоставить организации этих фабрично-заводских комитетов революционным профсоюзам, но надо признаться, что господа Легин и К°, опираясь на правых независимцев, являются пока полными победителями в этом вопросе, но мы будем,—говорит тов. Вальтер,—поддерживать всеобщий германский с'езд фабрично-заводских комитетов и будем сознательно бороться за самостоятельность их об'единения против профсоюзов.

Затем выступает т. Боннин, который говорит, что не надо забывать той большой разницы между профессиональным движением Европы и Америки. В последней невозможно революционизировать профсоюзы изнутри. Тов. Билан полагает, что вообще нельзя выработать общих правил поведения коммунистов всех стран в этом вопросе.

Тов. Бомбачи говорит, что наше отношение к профсоюзам должно быть такое же, как и к парламенту. Мы должны их использовать, чтобы вести внутри их коммунистическую пропаганду, но никогда профсоюзы не станут активными революционными организациями для завоевания пролетариатом власти. Профсоюзы проникнуты соглашательскими тенденциями, а за последний период они, как и оппортунистические социалистические партии, стали даже опорой буржуазии. В Италии в профсоюзах господствует, с одной стороны, рабочая аристократия, насквозь проникнутая реформизмом, и, с другой стороны, анархо-синдикалисты. Наше влияние там невелико.

Тов. Лозовский находит, что многие товарищи совершенно неправильно оценивают значение профессионального движения в настоящий исторический момент. Поскольку речь идет о широких рабочих массах, а не о вождях профсоюзов, неправ Бомбачи, когда говорит, что они всегда останутся вне коммунизма, иначе ведь социальная революция была бы невозможна. За последнее время отмечается усиленный рост профессионального движения в Англии, Германии и Америке на счет новых революционных элементов, которые совершенно изменили всю физиономию этих организаций, насчитывающих, как напр., в Англии, чуть ли не столетия своего существования. Этот изменившийся характер тред-юнионов служит порукой в том, что старые реакционные лидеры будут изгнаны из него. По мнению тов. Лозовского, глубоко ошибочна и реакционна точка зрения тех товарищей, которые, ссылаясь на слабость коммунистического влияния в профсоюзах, предлагают ограничиться об'единением коммунистических элементов. Необходимо повести самую настойчивую и энергичную коммунистическую пропаганду в самую толщу профессиональных организаций, чтобы подготовить их к той роли, которую профсоюзы должны играть в нашу эпоху.

Президиум вносит предложение о прекращении прений по этому вопросу. Это предложение вызывает горячие прения и возражения со стороны делегатов англо-саксонской группы, требующих продолжения дебатов. После выступления т.т. Радека и Зиновьева, указывающих, что этому вопросу были посвящены, кроме пленарного заседания, 6 заседаний комиссии и что все внесенные поправки будут еще обсуждаться в комиссии, предложение президиума принимается. Тезисы тов. Радека принимаются 64 голосами против 11 за основу и со всеми поправками передаются в комиссию.

Вечернее заседание закончилось в 12 час.

Заседание 4-го августа.

Заседание открывается под председательством т. Зиновьева. Первое слово предоставляется т. Балабановой, которая на немецком, французском и английском языках сообщает о трагической гибели т. Августины Осен от авиационной катастрофы.

Тов. Балабанова вспоминает о 20-ти годах самоотверженной, революционной борьбы погибшего товарища, преданнейшего работника и деятельнейшего агитатора среди норвежского пролетариата и в частности среди работниц Норвегии. Тов. Осен приехала в Москву делегатом на 2 конгресс III Коммунистического Интернационала и на международную конференцию коммунисток. Приехала она, борясь с громадными препятствиями, как добросовестный солдат революции, всегда помнивший свои обязанности по отношению к ней. Такой она останется в нашем воспоминании. Потеря ее искренно будет оплакиваться всеми, ее знавшими и ценившими ее неутомимую деятельность.

Мы просим наших норвежских товарищей передать от нас, от имени всех членов этого конгресса чувство нашего глубокого соболезнования норвежской партии, понесшей эту большую утрату, норвежскому пролетариату и семье безвременно погибшего товарища. Пусть они все будут уверены в том, что мы все и представленные здесь Коммунистические партии сохранят о ней светлое воспоминание, как о дорогом и верном борце за великое дело коммунизма.

Тов. Зиновьев предлагает от имени бюро послать нашим норвежским товарищам сочувственную телеграмму.

Затем с'езд перешел к заслушанию доклада т. Майера по аграрному вопросу, отчет о котором будет дан в следующем номере.

Заседание 23-го июля.

Т. Ленин об'являет заседание открытым.

Тов. Сератти получает слово, для оглашения регламента.

Текст регламента:

1) Пленарные заседания конгресса происходят с 11 ч. до 3 ч. дня и с 6 до 9 ч. вечера.

2) Докладчики имеют по одному часу для доклада и по получасу для заключительного слова после прений.

3) Содокладчики пользуются теми же правами.

4) По обсуждаемым в порядке дня вопросам ораторы имеют право говорить две минуты и слово им дается только по одному разу.

5) По каждому вопросу каждый делегат имеет право говорить только два раза (десять минут первый раз и пять минут второй).

6) Просить слово можно только письменно.

7) Поименное голосование производится только по требованию не менее трех делегаций с правом решающего голоса.

8) Всякое предложение (даже по поводу порядка дня) должно быть представлено в письменной форме в бюро (на одном из двух официальных языков). Автору предложения предоставляется слово только после выполнения этой формальности.

Затем т. Сератти оглашает порядок дня, предложенный бюро:

1) Роль и состав коммунистической партии до и после завоевания власти рабочими.

2) Профессиональные союзы и заводские комитеты.

3) Вопрос о парламентаризме.

4) Национальный и колониальный вопросы.

5) Аграрный вопрос.

6) Позиция «центра» по отношению к левым течениям, к принятию ими коммунистической платформы и условия вхождения в III Интернационал.

7) Устав Коммунистического Интернационала.

8) Организационные вопросы (легальные и нелегальные организации, женские организации и т. д.).

9) Коммунистическое движение молодежи.

10) Выборы.

11) Разные вопросы.

Т. Ридд. От имени 29 товарищей я предлагаю изменить порядок дня, заменив вопрос о парламентаризме вопросом о профессиональных союзах; таким образом получится, что 3-м параграфом будет вопрос о парламентаризме, а 2-м параграф.—о профессиональных союзах. Для представителей западных стран весьма существенно, чтобы вопрос о парламентаризме обсуждался весьма основательно и чтобы могли быть внесены различные предложения и поправки. Я предлагаю, чтобы при обсуждении этого вопроса был бы допущен в качестве официального английский язык.

Т. Сератти. Я предлагаю отклонить это предложение. Констатирую, между прочим, что в Исполнительном Комитете эти же товарищи настаивали на том, чтобы вопрос о профессиональных союзах обсуждался последним. Кроме того вопрос о времени обсуждения проблемы парламентаризма также обсуждался основательным образом. Поэтому невозможно согласиться на просьбу английских товарищей. Что же касается вопроса об официальных языках, то мы заявляем о невозможности допущения английского языка, так как это осложнило бы чересчур прения. Впрочем, английские товарищи могут говорить по-английски и имеют все возможности получить перевод всех речей.

Ставится на голосование предложение т. Ридда и отвергается значительным большинством.

Т. Ленин предоставляет слово докладчику по вопросу о роли Коммунистической партии в социальной революции Зиновьеву.

(Речь т. Зиновьева напечатана в №№ 2, 3 и 4 «Вестника 2-го Конгресса Коммунистического Интернационала»).

Рамзай. Мне жаль, что после всех документов и докладов, которые Коммунистический Интернационал нам представил, он все же оказывается в недостаточной степени осведомленным о том, в чем, в сущности, заключается движение шоп-стюарт. В то время, когда возникло это движение, рабочие организации были расщеплены и рассеяны, и пришлось приложить большие усилия к тому, чтобы возникло коммунистическое движение. Шоп-стюарт и теперь делают все возможное ради усиления коммунистического движения. Их пропаганда и их работа производится в этом направлении, и они предлагают всем своим членам и организациям, примыкающим к коммунизму действовать таким же образом.

Т. Маклин (член B. S. P.). В п. 6 тезисов следует внести одно изменение по вопросу, который преимущественно для Англии представляет значительный интерес. Надо установить определенную линию поведения. В Англии существует большая рабочая партия, которая вовсе не настроена коммунистически, но которая включает в себя различные коммунистические партии: это—Рабочая партия. Среди разных английских партий возник спор по вопросу о том, должны ли быть включенными в Рабочую партию политические партии не социалистические и не коммунистические, с которыми она связана? Партия B. S. P. разрешила этот вопрос в положительном смысле, так как хотя Рабочая партия и не есть социалистическая партия, но она обладает лучшим аппаратом, владеет прессой, имеет своих представителей в парламенте и в муниципалитетах, и было бы актом самоубийства отказаться от возможности вести пропаганду повсюду при помощи этого большого аппарата. Та группа, представителем которой я являюсь, держится другого мнения и хотела бы получить соответствующие указания от Коммунистического Интернационала. Все же обращаю ваше внимание на то, что B. S. P. и другие партии за последнее время тем более укрепились в занятой ими позиции, что несоциалистическая и нереволюционная Рабочая партия все же постепенно левеет, и под влиянием масс вообще правостоящие вожди и прежние организации постепенно исчезают. На мой взгляд это также является причиной для того, чтобы быть связанным с этой организацией. Заканчивая свою речь, я предлагаю, чтобы в странах, в которых преобладающим фактором в рабочем движении является не коммунистическая рабочая партия, коммунистические группы все же оставались бы связанными с ней, дабы иметь возможность пропагандировать свои идеи и направлять по коммунистическому руслу рабочие массы. Это может, однако, иметь место только при условии сохранения свободы за коммунистической партией в ведении дела пропаганды. Это мною предложение подписано обоими представителями B. S. P. Касаясь доклада предыдущего оратора, я должен указать [illegible] по поводу того, что представитель движения шоп-стюарт [illegible], что они согласны оказывать содействие Коммунистической партии. До сего времени со стороны движения шоп-стюарт существовало отрицательное [illegible] отношение к Коммунистической партии. Если же теперь официально заявляется, что в дальнейшем будет иначе и что шоп-стюарт обязывается [illegible] коммунистам [illegible] своих идейных целей, то это [illegible] только [illegible] остальные [illegible] партии, в частности B. S. P.

Т. Пейнтон (Англия). Профессиональное движение, все таково, [illegible], чем это кажется, и [illegible] в нем: и [illegible] их с той точки зрения, поскольку они стоят от коммунизма или близки ему, и в этом отношении Россия показывает лучший пример. Дело в том настроении, которое господствует в профессиональных союзах, а именно: оно должно быть революционным. Утверждали раньше, что одной из причин, почему рабочие не желают иметь политической партии, является влияние буржуазии. Причислить такое революционное течение, как, напр., синдикалистское к реакционным, было бы ошибочно. Но неправильно также, когда руководители профессиональных союзов заявляют, что они воздерживаются от политики. Нельзя держаться вдалеке от всякой работы. Бывает, что буржуазные партии в Испании советуют рабочим как раз заняться политикой, так как, это-де соответствует интересам рабочих. Я не согласен с тем, что создание Красной армии есть заслуга коммунистической партии. Это не так: я могу сослаться на пример французской революции в доказательство того, что всегда имеется армия и такая политическая партия, которая содействует захвату власти. Вся суть заключается в том, чтобы профессиональные союзы, как таковые, были революционными и боевыми организациями, способными ускорить начало борьбы и революции.

Т. Теннер (шоп-стюарт). Центральным тезисом доклада т. Зиновьева было доказательство необходимости коммунистических партий. По-моему, как этот пункт, так и тот, что будто диктатура пролетариата покрывает собой диктатуру коммунистической партии, неправильны. То, что теперь произошло в России, не должно все же быть образцом для всех стран. В Англии, напр., существует другое положение. В общем положение в Англии очень отличается от того, которое существовало в России накануне революции. Шоп-стюарт понимают нечто другое под диктатурой пролетариата, чем то, что понимают под этим в России, а именно диктатуру меньшинства, каким являются шоп-стюарты. Можно не согласиться на некоторые детали, но мы того мнения, что мы об'единяем более широкие слои пролетариев с развитым классовым сознанием, чем в Германии. Мак-Лин бросил нам упрек, что мы антиполитичны. Это не соответствует истине. Мы в действительности антипарламентарны, но это еще не означает, что мы антиполитичны. Товарищ обрадовался тому, что шоп-стюарт желает совместно работать, но он не может утверждать, что B. S. P. была единственной революционной партией в Англии. Очень многие из тех, которые теперь участвуют в шоп-стюартском и др. экономических движениях, выступали против образования партии потому, что они думают и убедились в том, что работа в политической партии является просто потерей времени. Они теперь, как и раньше, стоят за революцию. Теперь общественное мнение стремится отвлечь рабочих от прямого действия и выставить парламент в качестве средства универсальных достижений. Между тем мы были первые, ставшие на решительные действия, и не только ради экономических, но и общих целей. Т. Зиновьев говорит о том, что в различных областях социальной и культурной жизни можно работать только при помощи политической партии. Можно, однако, это делать и другим путем. Я могу высказать свое окончательное мнение относительно своего политического взгляда и свое отношение к революции только, побывав в Англии и сравнив еще раз английские и западно-европейские условия с русскими. И я спрашиваю русских и других делегатов: разве вам нечему научиться у других? Т.-е., разве вам ничего не доказывают экономическая борьба и революция в других странах? Я могу сослаться, как на пример, на то, что именно по вопросу о прямом действии английская партия многому научилась от других организаций. И еще недавно политические партии были вообще против прямого действия, во всяком случае их отношение изменилось за последнее время. Я укажу также на причины, вследствие которых погиб II Интернационал, а именно: его безвольность и расплывчатость его директив. Я опасаюсь, что III Интернационал впадет в противоположную крайность и станет чрезмерно догматичным. Я полагаю, что в пределах своей страны следует все-таки предоставить местным организациям известную свободу действий. Предложение пользоваться парламентаризмом в качестве орудия вызывает много сомнений. III Интернационал должен создать широкую и распространенную основу, на которой смогут сталкиваться отдельные партии относительно важнейших основных вопросов. Все остальное можно бы предоставить каждой отдельной партии.

Т. Радошн (Венгрия). Советская Венгрия была во всех отношениях в более благоприятных условиях по сравнению с Советской Россией. Венгерские рабочие были более культурны, страна была более централизована, обладала более густой железнодорожной сетью, шоссейные дороги были в лучшем состоянии, а земледелие находилось на более высокой ступени развития. Таким образом, во всех отношениях мы стояли ближе к западным странам, чем Советская Россия. И вот наш опыт подтверждает во всех отношениях справедливость русского понимания строения и существа коммунистической партии. До тех пор, пока коммунистическая партия, следуя русскому примеру, была строго централизована, строго дисциплинирована и в члены партии допускались товарищи только после известного испытания, при строгом внутреннем режиме, венгерская коммунистическая партия была так же, как и русская коммунистическая партия, истинным авангардом пролетариата. С того же момента, когда наша партия об'единилась с социал-демократами и в ее ряды влились [illegible] с большим количеством мелкой буржуазии, которая [illegible] в социал-демократическую партию,—наша партия перестала выражать волю отборнейшей части пролетариата.

Помимо этого, при проведении диктатуры в жизнь мы начали ощущать недоверчивый спрос на сознательных рабочих. Мы были вынуждены [illegible]

ков об'единенной партии все пригодные элементы и заполнить ими разные советские посты. В результате партия оказалась обессиленной и непригодной ни к чему. Таким образом, мы были вынуждены и в политических вопросах, когда нам нужно было апеллировать ко всему пролетариату, обращаться к проф. союзам, в ряды которых входил почти весь пролетариат. В результате получилось подобие того положения, какого, приблизительно, желают индустриалисты (индустриальные рабочие мира) или товарищи из шоп-стюарт. К проф. союзам, каким образом, перешли функции партии. Выяснилось, что с установлением диктатуры неизбежно смешение функций и изменение задач проф. союзов. Проф. союзам пришлось выполнить ряд новых задач, как, напр., реорганизацию производства, установление трудовой дисциплины и т. д. Между тем, проф. союзы до того были заняты приемом потока новых членов, что они даже и эту задачу не могли выполнить удовлетворительно.

Трудности и потрясения должны неизбежно следовать в каждой стране после установления диктатуры пролетариата, отчасти потому, что проф. союзы не в состоянии своевременно справиться с громадным числом неотложных вопросов, которые ставятся жизнью. Этим вносится расстройство. А между тем, вследствие неудовлетворительности партии, мы в Венгрии были вынуждены, помимо названных выше задач, поручать проф. союзам и другие задания, часто политические, как, напр., образование Красной армии, распределение продовольственных продуктов и т. п. Сразу же стало ясно, что проф. союзы не в состоянии разрешать эти вопросы. Хотя они эти задания на себя брали, тем не менее им не удавалось ни в какой области добиться сколько-нибудь удовлетворительных результатов; и не только потому, что они большей частью были реакционны—были проф. союзы, которые были революционны еще до диктатуры,—но также и потому, что они не были по существу организованы для разрешения политических вопросов. По истечении нескольких месяцев мы увидели неизбежную необходимость создать сильную новую коммунистическую партию—мы были вынуждены к тем тяжелым задачам, которые нам ставились диктатурой, прибавить еще одну, которая в России была решена еще до захвата власти пролетариатом, так как в России уже до этого была коммунистическая партия.

Мы, были вынуждены создавать партию в самый короткий промежуток времени по русскому образцу. Внутренний развал и военные поражения свели нанет это наше намерение, но должен повторить, что весь опыт Советской Венгерской республики во всех отношениях подтвердил правильность точки зрения русских товарищей. И там, где мы от нее уклонялись, там мы совершили крупные ошибки и должны были поплатиться за эти ошибки неисчислимыми жертвами. Впоследствии, когда мы приступили к реорганизации наших сил, мы пришли к заключению, что величайшим несчастьем венгерской советской власти являлось то, что мы во время диктатуры не обладали более сильной, более дисциплинированной партией. Мы тогда приступили к созданию партийной организации, строго централизованной, с железной дисциплиной. Я убежден, что наша новая партия при вторичном установлении диктатуры пролетариата в Венгрии будет проводить неуклонно все принципы Российской Коммунистической партии и этим подтвердит и подкрепит опыт русских товарищей.

По регламенту я должен говорить на немецком языке. Однако, я предпочел бы говорить на английском, так как содержание моей речи я намерен посвятить тому, что сказали наши английские товарищи. Я полагаю, что конгресс лучше бы сделал, если бы не принял поправки т. Маклина. В тезисах т. Зиновьева этот вопрос не затронут, но я должен сказать, что английские товарищи должны были бы радоваться, что в своих тезисах т. Зиновьев не коснулся этого вопроса, так как тогда они могли бы разрешить этот вопрос, считаясь с условиями своей страны. Но т. Маклин предлагает, чтобы конгресс Интернационала подтвердил, что необходимо войти в рабочую партию. Я предлагаю, чтобы мы такого решения не выносили, так как это связано с большими затруднениями. Об этом т. Ленин писал в своей брошюре «Детские болезни левизны в коммунизме». Я предлагаю предоставить английским товарищам решить вопрос самостоятельно. По упомянутой причине, а также потому, что в Англии предвидится об'единение всех коммунистических сил в единую коммунистическую партию, т.т. Рамзай и Таннер высказались по этому вопросу очень кстати. Вы знаете, что в вопросе о создании единой коммунистической партии вопрос о рабочей партии будет служить серьезным препятствием.

Если конгресс вынесет заранее решение в международном масштабе о том, что Б. С. П. может оставаться в рядах рабочей партии, то это означает или что в Англии не удастся создать коммунистическую партию, или что в ее ряды Б. С. П. не войдет. С обеих точек зрения вопрос представляется очень серьезным. Английская коммунистическая партия может быть создана с помощью Б. С. П. и нужно предоставить ей решение вопроса о том, что и при каких условиях лучше всего может быть сделано в Англии. Если же мы сами должны будем принять то или иное решение, в том или ином из чисто английских вопросов, тогда мы должны будем здесь же основательно разобрать все стороны и всю историю особых условий английской рабочей партии, а это вещь очень трудная. Считаю нужным коснуться еще того, что сказал т. Таннер вчера. Моя партия не разделяет точки зрения т. Таннера, но все-таки я должен сказать, что я внимательно прислушивался к его словам, так как чувствовалось желание вступить в III Коммунистический Интернационал. Т. Таннер предостерегал от догматизма. И в этом отношении он совершенно прав. Т. Ленин в своей брошюре, о которой я уже упомянул, предупреждал нас, чтобы мы не были догматиками по отношению к т.т. справа. Он сказал, что частый догматизм в действительности только фраза, а мы должны избегать фраз. Как далеко мы можем пойти—это предстоит еще решить. Но если мы откажемся от догматизма по отношению к элементам справа, то этого нельзя также делать и по отношению к товарищам слева. И т. Таннер совершенно правильно сказал, что не нужно забывать, что обстоятельства в других странах совершенно другие, чем в России. Русские товарищи это хорошо знают. Ведь, часто говорили, что в конце-концов российская революция, как бы она ни была трудна, все-таки была легче, чем в других странах. Нельзя доктринерски следовать примеру русских товарищей. Русская революция должна нам быть уроком, но во всем мы следовать ей не можем. Мы не можем без рассуждений прилагать русский образец к условиям западно-европейских или американских. Т. Таннер сказал, что нельзя быть догматичным, а нужно быть гибким и приспособляющимся. Только таким путем мы придем к такому Интернационалу, который об'единит неизбежно все подлинно революционные группы.

Т. Лапи. Когда мы говорим о сущности партии, то мы противопоставляем партию классу; они относятся друг к другу как суб'ективное сознание к об'ективной массе, или же как скорлупа и ядро, которые вместе образуют плод. Когда мы коснемся отличительных признаков партии, то мы должны сказать, что партия по существу отличается тем, что она ясно сознает свою цель, имеет ясно определенную программу и ясно намеченный путь. И в этом отношении я совершенно согласен с т. Зиновьевым, который в своих тезисах сказал: «Только в том случае, если у пролетариата имеется в виде руководителя организованная и испытанная партия, со строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики,—завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата».

Как ядро без скорлупы засыхает, так и партия неизбежно превращается в секту, если пропускает удобный момент и не устанавливает живой связи с живыми массами, с живой революционной массой. И я уверен, что поскольку мы, все здесь собравшиеся, являемся коммунистами, мы согласны, что партия должна иметь ясную программу и должна быть решительной в своих действиях. Этого оспаривать никто не будет. Этого обсуждать здесь не требуется. Главный вопрос у нас в том, как найти путь к общению с классом и какими для этого мы должны пользоваться средствами. Мы должны работать и в профессиональных союзах, и в советах, и там, где советские организации только образуются, и в парламентах, и в беспартийных организациях, которые вызываются самой жизнью и которые образуются в менее развитых общественных слоях. В одном пункте, однако, я думаю, что не могу согласиться с докладчиком и именно с тем, что он говорит в 6-м тезисе: «коммунисты всецело поддерживают образование, на-ряду с коммунистической партией, самых широких беспартийных рабочих организаций. Коммунисты считают своей важнейшей задачей систематическую организационно - воспитательную работу внутри этих широких рабочих организаций. Но именно для того, чтобы эта работа была плодотворна, именно для того, чтобы этими широкими рабочими организациями не могли овладеть противники революционного пролетариата, передовые рабочие коммунисты должны всегда иметь свою самостоятельную сплоченную коммунистическую партию, действующую всегда организованно и умеющую отстаивать общие интересы коммунизма при всяком повороте событий и при всех формах движения».

В этом тезисе, который, мне кажется, имеет решающее значение, ничего не сказано об образовании коммунистических фракций в беспартийных рабочих организациях. Мне кажется, что в этот пункт необходимо ввести важные ограничения. Я это говорю из опыта, который мы имели в Германии. При образовании подобных организаций мы должны быть в высшей степени осторожными. Найдутся, быть может, товарищи, которые выяснят, какое могут иметь значение беспартийные организации для Германии, где профсоюзы имеют до девяти миллионов членов. А между тем, и у нас есть рабочие, которые стремятся уйти к беспартийным организациям и которые нас, коммунистов, побуждают к тому же с тем, чтобы мы имели новое поприще, где мы можем работать. Из истории германского движения и истории германских коммунистов мы можем многому научиться. Конгресс должен использовать наш опыт при вынесении решения по вопросу, поставленному на очередь для английскими товарищами.

Я придерживаюсь того мнения,—и мы, представители западно-европейского секретариата, находимся по этому вопросу в противоречии с Амстердамским бюро, которое полагает, что англичанам должна быть предоставлена свобода выступить из рабочей партии,—я придерживаюсь того мнения, что наши английские товарищи должны обязательно оставаться в рабочей партии, через которую они имеют связь с массами.

Я думаю, что найдутся на этом конгрессе товарищи, сторонники образования беспартийных организаций на место партийных, имеющих ясно намеченную политическую цель. Я представляю ответ на данный вопрос английским товарищам, но мне кажется, что выяснение различия между коммунизмом и взглядами английских товарищей не входит в задачи конгресса и не имеет отношения к тому требованию, которое человеческое общество всего мира пред'являет сегодня к Коммунистическому Интернационалу — требование цельной определенной линии. Но мы не подходим к разрешению этой задачи. Вместо того, чтобы наметить определенную линию, мы занимаемся обсуждением вопроса, который уже десятки лет тому назад западно-европейской рабочей массой.

Наоборот, в задачи конгресса входит указать английским товарищам, что нельзя пренебрегать беспартийными организациями, нельзя выходить из состава рабочей партии. Конгресс должен раз навсегда наметить определенную линию поведения для всех подобных случаев.

Т. Маклин предлагает в виду позднего времени (10 ч. вечера) отложить продолжение прений до следующего заседания.

Т. Серрати от имени бюро предлагает прекратить заседание и предложить комиссии раз'яснить по пунктам тезисы т. Зиновьева.

Предложение т. Серрати ставится на голосование и принимается.

Т. Серрати. Итальянская делегация принимает целиком все тезисы т. Зиновьева потому, что они, давая анализ корпоративности, синдикализма, индустриализма, анархизма, реформизма и отмечая мелкобуржуазный дух этих направлений, защищают дело пролетариата, централизацию и дисциплину во имя провозглашения диктатуры пролетариата коммунистической партией. Но мы находим, что некоторые формулировки тезисов не совсем ясны, например, в вопросе о крестьянах-середняках. Нужно определить содержание этих терминов и опасения несообразные. Ведь те, кого называют середняками, представляют собою чисто наиболее отсталый элемент.

Что касается пункта 6-го, то мы согласны с положением т. Леппе. Коммунисты должны употребить всю свою энергию на создание коммунистических, а не нейтральных организаций, хотя они обязаны работать и в последних. Т. Маклин просил, чтобы Б. С. П. было разрешено оставаться в рабочей партии. Но я лично согласен в данном случае с товарищами из шоп-стюарт, которые считают рабочую партию политической партией. Во время войны она имела чисто политическое направление, что показывает деятельность Гендерсона. И если мы допускаем, чтобы коммунисты оставались в подобных организациях,—мы еще раз широко открываем двери поссибилизму.

Другой пункт тезисов гласит, что коммунисты могут входить в нейтральные или даже религиозные об'единения, например, в христианские союзы. Но христианский союз никоим образом не нейтрален. Войти в него—значит быть христианином. В таком случае конгресс должен рассмотреть вопрос о вхождении коммунистов в франк-масонские союзы, представляющие образец организаций в духе мелкобуржуазного радикализма и политического оппортунизма. Мы просим, чтобы конгресс запретил коммунистам вступать в такие организации.

Вечернее заседание 23-го июля.

РЕЧЬ ТОВ. ЛЕНИНА.

Товарищи, я хотел бы сделать несколько замечаний, имеющих отношение к речам т.т. Таннера и Маклина.

Таннер говорит, что ему и другим его единомышленникам диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляли себе мы. Он говорит, что мы понимаем под именем диктатуры пролетариата в сущности диктатуру его решительного и сознательного меньшинства. И действительно. Наиболее характерным у рабочих политических партий является то, что они, развиваясь в эпоху капитализма, когда рабочие массы продолжают подвергаться эксплоатации и не могут развить полной своей деятельности,—могут при таких условиях представлять собой только меньшинство. Но мы являемся сторонниками того, чтобы в этом случае широкие массы управлялись бы и шли бы за такого рода меньшинством. И если т. Таннер говорит, что он враг партии, но сторонник решительного и революционного меньшинства, указывающего путь эксплоатируемому пролетариату, то я заявляю, что мы придерживаемся того же самого мнения.

Что представляет собой подобное меньшинство? Оно может называться партией. Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести за собой массы, если оно является способным ответить на каждый вопрос порядка политического дня,—оно в сущности представляет собой партию. И если товарищи, подобные Таннеру, являющиеся представителями массовых движений, чего нельзя без натяжки сказать об английской социалистической партии,—если эти т.т. хотели бы, чтобы существовало определенное меньшинство, которое открыто и искренно боролось бы за диктатуру пролетариата и которое воспитывало бы в этом направлении рабочие массы, то они в сущности хотели бы диктатуры меньшинства, которое на самом деле являлось бы партией. Т. Таннер говорит, что это меньшинство должно организовать и вести всю рабочую партию. Если т. Таннер и другие товарищи из группы шоп-стюарт и индустриальных рабочих мира это признают,—а каждый день мы в беседе с ними видим, что они действительно это признают,—если они одобряют такое положение, когда сознательное меньшинство рабочего класса ведет за собой пролетариат, то они должны согласиться и с тем, что смысл нашей резолюции именно таков. Единственное различие, которое существует между нами, заключается в некотором роде недоверия, питаемого английскими товарищами по отношению к политической партии. Они представляют себе политические партии, по неизбежно имеющие сходство с партией Гомперса и Гендерсона, как состоящие из парламентариев-дельцов, изменников делу рабочего класса, при чем парламентарии они представляют себе именно таковыми, каковы в настоящее время и являются парламентарии английский и американский. Мы также являемся врагами подобных политических партий, как мы являемся врагами же и подобного парламентаризма. Нам нужны новые партии, партии иные. Нам нужны такие партии, которые постоянно находились бы в тесной и действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить.

Я перехожу к третьему вопросу, который я хотел бы видеть сегодня по поводу речи т. Маклина. Он является сторонником слияния коммунистической английской партии с рабочей партией. Я уже высказался по этому вопросу в моих тезисах о допущении в III Интернационал. Я оставил этот вопрос открытым, но, поговорив со многими товарищами, я создал в себе убеждение, что английская тактика является действительно правильной. И теперь, когда т. Маклин, поддержанный т. Рамзаем, говорит нам: не оставайтесь всегда догматиками,—это выражение мне кажется не совсем уместным. Т. Рамзай говорит: позвольте нам самим, английским коммунистам, решить этот вопрос. Чем был бы тогда Интернационал, если бы всякая маленькая фракция приходила бы и говорила: мы сами за и мы сами против. Зачем бы тогда понадобились Интернационал, конгресс и вся эта дискуссия? Т. Маклин оспаривает роль политической партии. Но ведь также можно отнестись и к профессиональным союзам и к союзам парламентариев. Конечно, в совершенно верно, что большая масса лучших революционеров не принимает парламентаризма. Но все же лучше всего будет, если этот вопрос будет перенесен в комиссию, если он будет там подвергнут изучению и дискуссированию. Мы не примем решения по этому вопросу, пока специальная комиссия не рассмотрит английского вопроса, как и вопроса о диктатуре вообще. Но этот английский вопрос должен быть, во всяком случае, решен Комитетом III Интернационала. Мы не можем согласиться с тем, что он касается только английских коммунистов. Наше мнение таково, что надо следовать именно этой тактике.

Теперь я остановлюсь на некоторых аргументах т. Маклина, имеющих отношение к английской рабочей партии. Нужно говорить открыто: партия коммунистов может соединиться с рабочей партией только при условии, если она сохранит полную свободу критики и своего политического поведения. Это является весьма важным условием; когда т. Серрати говорит по этому поводу о сотрудничестве классов, то я заявляю, что этого сотрудничества здесь не будет. «Если оппортунисты оставляют в своей партии буржуазные элементы, то это действительно будет сотрудничество классов». Но в данном случае, в отношении к английской рабочей партии дело идет лишь о сотрудничестве передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством. Члены рабочей партии—это все члены профессиональных союзов. Это очень оригинальная структура, которую мы не видим ни в какой другой стране. Это организация охватывает 6 или 7 миллионов рабочих, организованных во всех отраслях производства. Их не спрашивают о том, каковы их политические убеждения. И докажите мне, т. Серрати, что нам кто-нибудь помешает использовать право критики. Когда вы это докажете, то вы этим самым докажете, что т. Маклин ошибается. Британская рабочая партия сохраняет полную свободу слова постольку, поскольку даже изменник Гендерсон остается все еще членом рабочей партии. Она представляет собой сотрудничество авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими, составляющими его арьергард. Очень важно для всего рабочего движения, чтобы мы это поняли, если мы желаем перебросить мост между партией, т.-е. меньшинством рабочего класса и всей остальной массой рабочих. Если меньшинство не умеет направлять массы, оформить их стремления, то она не является партией и вообще ничего не стоит, хотя бы оно называло себя партией или национальным комитетом. До тех пор, пока противное не будет доказано, мы можем сказать, что английская рабочая партия представляет собой лишь пролетариев, и что она осуществляет сотрудничество авангарда рабочего класса с рабочими, менее развитыми. И если наши английские товарищи не имеют более убедительных аргументов, то мы должны будем самым определенным образом поставить перед собой вопросы о том, к каким результатам приводит предлагаемая нами тактика.

Предположим, что т.т. Таннер и Рамзай сказали бы нам, что коммунистическая английская партия не согласилась бы на об'единение, так как меньшинство представляет собою революционеров, а большинство правда ломаного не стоит. Почему бы, в самом деле, не согласиться на параллельное существование двух партий на некоторое время? Из опыта, приобретенного в России, мы не можем сделать, в прямую противоположность этому, вывода о том, что во всякой стране должна существовать, только одна партия. Во всяком случае, повторяю, надо этот вопрос об английских отношениях обсудить в специальной комиссии, которой мы этот вопрос передадим.

Если большинство будет противиться, то мы организуем меньшинство самостоятельно. Это будет иметь воспитательное значение. Это ничего, что английские рабочие массы все еще верят в прежнюю тактику. Мы проверим наши выводы на ближайшем конгрессе. Но мы не можем сказать, что это вопрос чисто английский. Это было бы подражанием худшим привычкам II Интернационала. Мы должны открыто высказать свое мнение, каково бы оно ни было. Если английские коммунисты не придут к соглашению по вопросу об организации массового движения, если на этой почве произойдет раскол, то пусть лучше дело окончится расколом, чем отказом от организации массового движения. Лучше возвыситься до определенной и достаточно ясной тактики и идеологии, чем продолжать оставаться в прежнем хаосе.

РЕЧЬ Т. ТРОЦКОГО.

Товарищи, может показаться довольно странным, что после 3/4 века, прошедших с того времени, когда появился Коммунистический Манифест, на интернациональном коммунистическом конгрессе поднимается вопрос о том, нужна ли партия или нет? Т. Леви как раз подчеркнул эту сторону дебатов, заметив, что для широких масс западно-европейских и американских рабочих этот вопрос давно решен и что он думает, что уже один факт обсуждения этого вопроса не содействует поднятию престижа Коммунистического Интернационала, так как этот вопрос вообще не вызывает дискуссии. А я думаю, что история довольно резко противоречит тому убеждению, которое высказал т. Леви. Он сказал, будто широкие массы рабочих уже прекрасно знают, что партия нужна. Само собой разумеется, что если мы имеем дело с господами Шейдеманами или Каутскими, или их английскими единомышленниками, не было бы надобности убеждать этих господ, что рабочему классу необходима партия: они образовали для рабочего класса партию и эту партию они отдали на служение буржуазии и капиталистическому обществу. Но когда мы берем пролетарскую партию, то мы находим, что она в различных странах совершает различные этапы в своем развитии. В Германии, в этой классической стране старой социал-демократии, мы видим, как рабочий класс, стоящий на самом высоком культурном уровне, непрерывно рвется вперед, влача за собою огромные обломки старой оболочки. Это видим мы на примере германской независимой социалистической партии. Мы видим, с другой стороны, что, как раз та партия, которая говорит от имени огромного большинства, международная партия II Интернационала, выступающая от имени рабочего класса, заставляет нас поставить вопрос о том, нужна ли партия или нет. Так как я знаю, что партия нужна, так как я знаю очень хорошо цену партии, и так как я, с одной стороны, вижу Шейдемана, а с другой — американских, испанских или французских синдикалистов, которые не только хотят бороться с буржуазией, но которые действительно хотят оторвать ей голову,—то я говорю: я предпочитаю итти вместе с этими испанскими, американскими и французскими товарищами, чтобы им доказать для исполнения их исторической миссии—уничтожения буржуазии—необходимость партии. Я им по-товарищески докажу это, основываясь на собственном опыте и на опыте Шейдемана.

Товарищи, в старых странах парламентаризма и демократизма мы видели, какое огромное влияние имеют антипарламентские тенденции, как, напр., во Франции, Англии и т. д. Во Франции я наблюдал в начале войны, что первые смелые голоса против войны,—как раз в то время, когда немцы стояли у Парижа,—поднялись из маленькой группы французских синдикалистов: это были голоса моих друзей, Монатта, Россмера и др. В то время мы не могли поставить вопрос об образовании коммунистической партии, ибо мы были слишком разрознены и малочисленны. Но я чувствовал себя с товарищами Монаттом, Россмером и др., у которых было анархическое прошлое, как товарищ с товарищем. Но что было у меня общего с каким-нибудь Ренoделем, который прекрасно понимает необходимость партии, или Альбертом Тома и др. господами, имена которых я не хочу называть, чтобы не нарушить правил приличия?

Товарищи, французские синдикалисты работают в синдикатах, но когда я говорю, напр., с т. Россмером, у нас оказывается общая почва. Французские синдикалисты, вопреки традициям демократии с ее ложью и иллюзией, сказали: мы не хотим никакой партии, мы хотим пролетарские синдикаты, а внутри их революционное меньшинство, применяющее прямое действие и массовые выступления. Что означало для французских синдикалистов это меньшинство—это не было ясно и им самим. Это было предчувствие дальнейшего развития, которое, несмотря на предрассудки и иллюзии, не помешало этим товарищам играть революционную роль во Франции и выдвинуть то небольшое меньшинство, которое к нам прибыло на международный конгресс.

Что такое для наших друзей это меньшинство? Это избранная часть французского рабочего класса, у которой есть своя ясная программа и организация, где они обсуждают вопросы, и не только обсуждают, но и разрешают. Но французский синдикализм, благодаря опыту профессиональных союзов, благодаря борьбе рабочего класса с буржуазией, благодаря опыту как своему, так и иностранному, вынужден создать коммунистическую партию. Т. Пестанья говорит: «я не хочу касаться этого вопроса, я—синдикалист; я не хочу говорить о политике, еще меньше хочу я говорить о партии». Это в высшей степени интересно. Он не хочет говорить о коммунистической партии, чтобы не ослабить революцию. Это значит, что критика коммунистической партии, ее необходимости является ему в рамках русской революции ослаблением революции. Это так и есть, ибо партия, как таковая, в ходе развития революции отождествилась с нею. В Венгрии было то же самое.

Т. Пестанья, который является влиятельным испанским синдикалистом, приехал к нам, ибо у нас есть товарищи, которые стоят на почве синдикализма, есть товарищи, которые считаются, так сказать, парламентаристами, и есть товарищи, которые не являются ни парламентаристами, ни синдикалистами, но стоят за массовые выступления и т. д. Что же мы ему предлагаем? Мы предлагаем ему международную коммунистическую партию, т.-е. об'единение передовых элементов рабочего класса, которые сюда приносят свой опыт, обмениваются здесь им, распределяют его между собою, критикуют друг друга, выносят решения и т. д. Когда т. Пестанья с этими решениями вернется в Испанию, его товарищи спросят его: «что ты принес из Москвы?». Тогда он должен будет представить им свои тезисы и спросить их, стоят ли они за эти резолюции или против них? Он должен будет их отстаивать, и те испанские синдикалисты, которые станут на почву его тезисов, образуют испанскую коммунистическую партию.

А разве дело обстоит иначе теперь, когда мы получили от польского правительства предложение о заключении мира? Кто решает вопрос? Куда должны обратиться рабочие? У нас есть Совнарком, но и он должен подлежать известному контролю. Чьему контролю? Рабочего класса, как бесформенной хаотической массы? Нет. Созывается Центральный Комитет партии, чтобы обсудить и решить вопрос. И когда мы должны вести войну, создавать новые дивизии, найти для них наилучшие элементы, — куда мы обращаемся мы? К партии, к Центральному Комитету. И он дает указания каждому местному комитету: посылайте коммунистов на фронт. Так же обстоит дело с аграрным вопросом, с продовольственным и со всеми другими вопросами. Кто будет решать в Испании эти вопросы? Когда там составится испанская коммунистическая партия, я уверен, что т. Пестанья будет одним из основателей этой партии.

Т. Серрати, которому, конечно, не приходится доказывать необходимость партии — он сам всегда большой партии,—нас спрашивает иронически: что собственно мы разумеем под крестьянами и полупролетариями? И разве не оппортунизм, когда мы делаем им различные уступки? Товарищи, что такое оппортунизм? Рабочий класс, который представляет собою и ведет за собою коммунистическая партия, стоит у нас у власти. Но у нас имеется не только рабочий класс, но и различные отсталые, беспартийные элементы, которые часть года работают в деревне, часть года на фабрике; есть крестьяне различных слоев. Все это не создано нашей партией: мы получили это в наследство от феодального и капиталистического прошлого. Рабочий класс находится у власти и он говорит: вот этого я не могу сделать ни сегодня, ни завтра; здесь я должен сделать им уступку. Оппортунизм имеется там, где ведут класс трудящихся и делают при этом уступки господствующему классу, которому они облегчают возможность оставаться у власти. Каутский упрекает нас, что наша партия делает величайшие уступки крестьянам. Рабочий класс, стоя у руля, должен ускорить развитие огромной части крестьянства, помогая ей перейти от феодального образа мышления к коммунизму, и должен делать уступки отсталым элементам. Таким образом, я думаю, что вопрос, который поставил тов. Серрати, не относится к тем вопросам, которые решают коммунистическую партию в России. Но если бы это было и так, если бы мы совершили те или другие ошибки, это означало бы только то, что мы действуем в очень сложной обстановке и должны маневрировать. Власть у нас в руках, и вот мы отступаем перед немецким империализмом в Брест-Литовске, или отступаем перед английским империализмом. Здесь мы маневрируем между различными слоями крестьянства, одних мы привлекаем к себе, других отталкиваем, третьих — подавляем бронированной рукой. Это маневры революционного класса, который стоит у власти и может совершить ошибки, но эти ошибки входят в инвентарь партии и составляют опыт рабочего класса. Так мы понимаем нашу партию и так понимаем мы наш Интернационал.

РЕЧЬ Т. СУХИ.

— В выработке руководящих положений по международному рабочему движению мы не должны исходить из предвзятых теоретических предпосылок, но должны выяснить действительные тенденции в различных странах и развить их революционный смысл. Наша теория должна быть не чем иным, как сознательным развитием тенденций и форм борьбы, которые выявились и сложились во время борьбы рабочего класса против буржуазии. В Англии мы имеем движение шоп-стюарт, в Америке — движение индустриальных рабочих мира, в Норвегии—фабрично-заводские советы. Эти движения представляют собой тенденции, созданные самыми условиями борьбы между капиталом и трудом.

Не нужно пытаться перенести обсуждение этих движений в область чисто теоретическую указанием, что эти движения не являются коммунистическими. Если мы оставим эмпирический путь и будем следовать за доктриной, тогда нам не удастся создать Интернационала борьбы. Я поэтому хотел бы не пускаться в обсуждение теории, но обсудить тенденции, вызванные к жизни революцией. Эти тенденции мы должны внимательно проследить и попытаться их развить. Мы должны стараться уловить дух живого рабочего движения, идею, выросшую в сердцах рабочего класса, а не создающую специальных теоретиков. Выступая здесь, как представитель синдикалистов, я должен сказать, что синдикализм не есть полубуржуазное движение, каким его пытались изображать. И в этом отношении я вынужден обратиться к теоретическому обсуждению, чтобы опровергнуть высказанные здесь теории.

Т. Зиновьев утверждает, что буржуазия влияла на рабочих в том смысле, чтобы они не организовались политически. И если в синдикализме имеется тенденция, выражающаяся в том, чтобы рабочие не организовались в политическую партию, то в основе этот предрассудок был внушен рабочим буржуазией. Это не соответствует фактам и тому, что буржуазия говорит о синдикалистском движении, о движении индустриалистов и других подобных организаций. Т. Зиновьев, думаете ли вы, что буржуазия приветствует движение индустриалистов и не будет пытаться с ним бороться точно так же, как она борется против политических партий? Буржуазия не желает, чтобы пролетариат имел политические партии, но желает ли буржуазия, чтобы пролетариат имел индустриальное движение? Никоим образом.

Мы видим из преследований синдикалистов во всех странах, что это движение внушает буржуазии столько же страха, как и всякое политическое движение. По этой причине мы не можем согласиться с той точкой зрения, что индустриальное движение для буржуазии не так опасно. Мы можем констатировать ряд примеров, как раз противоположных, а именно, что синдикалистическое движение для буржуазии так же опасно, как и политическое революционное движение тогда, когда политические партии, как таковые, буржуазии страха не внушают. Наоборот, политические партии находят себе опору у буржуазии. Если мы возьмем пример с французской революцией, то мы видим, что якобинцы, по следам которых буржуазия пошла, развивали идею о необходимости основывать политические партии. Буржуазным наследством является идея политической партии, но не идея индустриальных организаций. Если мы пожелаем заняться теоретическим жонглированием, то как очень легко будет вам это доказать.

(Окончание в следующем номере).

Типография Корр. Центр. Исполн. Ком. Сов. Раб. и Красн. Деп., Тверская, 48.